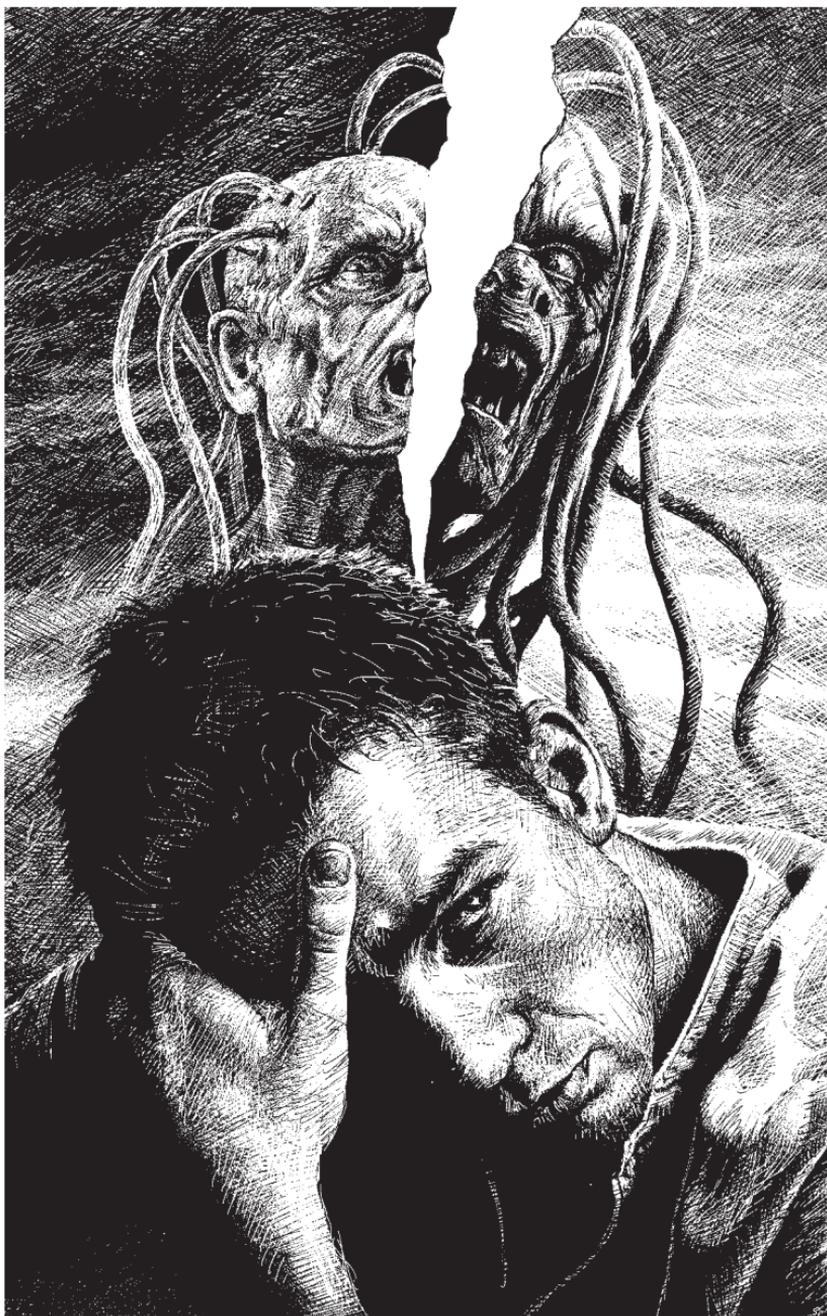

Книги Ивана Безродного
в серии
**ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК**

МАССАНДРАГОРА
МАССАНДРАГОРА. ЗОВ КРЫСИНОГО КОРОЛЯ

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК

ИВАН БЕЗРОДНЫЙ

**МАССАНДРАГОРА.
ЗОВ КРЫСИНОГО
КОРОЛЯ**

РОМАН

Москва, 2016
АРМАДА
&
«Издательство АЛФА-КНИГА»

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
Б39

Серия основана в 1992 году
Выпуск 1031

Художник
В. Федоров

Безродный И. В.

Б39 Массандрагора. Зов Крысиного короля: Фантастический роман. — М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2016. — 377 с.: ил. — (Фантастический боевик).

ISBN 978-5-9922-2295-1

Лучше даже не пытаться вернуть потерянные воспоминания. Потому что в них может обнаружиться то, что затянет вас в безумный водоворот событий и вы уже никогда не станете прежними. Конечно, если выживете. Параллельные вселенные? Таинственная Машина загадочных Предтеч, управляющая ими? Искусственные существа, так и норовящие разорвать вам глотку? Павел проигнорировал народную мудрость. И он попал на полигон...

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

© Безродный И. В., 2016
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2016

ISBN 978-5-9922-2295-1

Есть два типа секретов: которые мы скрываем от других и те, что скрываем от себя.

Пашка плыл. Медленно, осторожно, стараясь не плескаться и не погружаться с головой в холодную, вонючую воду. На этой станции оказалось довольно темно — лишь красноватые отблески светящихся грибов на стенах да белесоватые клубы тумана у перрона могли обозначить ему еле заметные ориентиры. «Только бы не судорога», — с тревогой подумал он, выплывая из туннеля, и тут же почувствовал, будто его ноги что-то коснулось. Пашка инстинктивно дернулся и принялся грести сильнее. Водоросли? Рыба? Или... Он отогнал от себя испуганно бьющуюся мысль.

Да, кажется, вон там болтается оставленная кем-то веревочная лестница, по ней можно будет залезть на перрон. Обрадовавшись, Пашка поплыл к еле виднеющимся в тумане перекладинам и узелкам. Рядом с ними, словно ночной светильник, примостился яркий белый гриб, пустивший длинные корни в расщелины платформы. Такие знатные экземпляры здесь редко встречались, Пашка мог припомнить лишь несколько случаев, когда находил их. В отличие от маленьких и красных, которых в этих местах было полно как грязи и кроме слабого свечения ничего не предлагавших, белые и фиолетовые, особенно крупные, за свои уникальные лечебные свойства ценились очень высоко, и некоторые сталкеры нажили на них целые состояния. Правда, сейчас ему было вовсе не до этого.

Отфыркиваясь, Пашка дотянулся до лестницы и вцепился в перекладину. В тот же самый момент он понял, что его кто-то держит за левую ногу. Он на секунду замер и попытался подтянуть ее к себе. Зря — лодыжку пронзила острая боль, и ей стало горячо. Саламандра! Наверное, молодая и пока неопытная. Стараясь не верить в очевидное, Пашка резким движением рванул к лестнице и чуть не взвыл от боли. Чудище потащило

назад, забившись под водой и пытаясь проглотить его ногу, почти добравшись до колена. Вокруг Пашки забурлила вода, поднимая сверху ил и прочий мусор, запах гниения стал сильнее, его дернуло еще раз, и мокрые ослабевшие пальцы отпустили лестницу. Он ушел под воду.

Странно, но там было светло. В зеленоватой воде кружились муть и вереницы пузырей, внизу поблескивали рельсы, слева чернел проход в основной туннель, а сзади извивалось тело гигантской саламандры. Уродская приплюснутая жабя морда с усиками и выпученными немигающими глазками. И правда еще молодая — не более полутора метров, хвост короткий, гребень не выраженный, а на боку желтая полоска. Да и лапы практически без когтей, хотя ему это было слабым утешением. «Наверное, особенно голодная попалась», — мелькнула в голове Пашки отстраненная мысль; ведь почти всех головастов переселенцы уже переловили, да и слепней на станцию почти не залетало, уж больно холодное лето нынче выдалось. Вот только пластинчатые зубы у молодых саламандр не менее остры, чем у взрослых.

Чудище, будто поняв его, сжало челюсти сильнее. В Пашкино сознание ворвался липкий страх. Он согнулся пополам и принялся судорожно дубасить саламандру кулаком по мягкой плоской морде, стараясь не дергать ногу — так вполне можно было остаться без мяса на ней. Пашка хорошо помнил прошлогодний случай со Збышеком — тот потом умер от шока, даже до гангрены не дошло, как у Джины, царство ей небесное... Монстра начало окружать бурое облако его крови.

Наконец ему удалось попасть ей в глаз, а потом пройтись по ноздрям — самому чувствительному месту чудища. Саламандра зажмурилась и ослабила хватку. Пашка, уже задыхаясь, схитрил второй ногой заехать ей по животу. Под водой получилось слабо, но чудище открыло-таки пасть и сдало назад, видимо, готовясь для следующей атаки. Пашка здоровой ногой вдарил монстру по губе — тот отпрянул и завис у противоположной стены, вяло помахивая коротким хвостом. Пашка вынырнул и из последних сил принялся карабкаться по лестнице, каждую секунду ожидая, что тварь снова вцепится в него.

Но саламандра передумала. Не всплывая, она вильнула хвостом и не спеша поплыла обратно в туннель. Пашка со стоном выбрался на перрон и упал на холодный гранит. На месте схватки расплывалось кровавое пятно. Скоро сюда примчатся илестые кровососы и жгутикохваты, почувствовав разорван-

ную плоть за добрую сотню метров. Мерзкие создания... Превозмогая боль, он осмотрел рану. На самом деле — ничего серьезного. Мясо на месте, связки целы. Не то что было тогда у Збышека!

Пашка разорвал рубашку на полосы и перевязал ногу. Жаль, что у него не было с собой лечебных листьев драконового дерева: не хватило денег. Ну, тут уж ничего не поделаешь. Ведь за два дня гангрена не возникнет? Вот если бы на него напала взрослая самка, тогда пиши пропало, те впрыскивают в жертву яд — несильный, но на время парализовать может. В этом случае человек просто тонет и сразу же становится легкой добычей любой водной живности.

Пашка осторожно встал на ноги. М-да, теперь не побегаешь, несколько дней придется еле ковылять. Добираться до портала нужно было еще долго, но он надеялся, что ни на людей Черного, ни на местную кровожадную фауну в этой командировке, будь она неладна, больше не наткнется.

Где-то далеко наверху завывла сирена, приглушенная туманом, волнами стекающим с мертвого эскалатора. Видимо, кристаллоиды прорвали дамбу, или батальон Черного снова атакует. В любом случае нужно было уносить ноги. Шипя от боли, Пашка запрыгал в туман, тараща глаза по сторонам в поисках очередной опасности. И угораздило же его потерять и рацию, и аптечку, и даже бластер! Вот кому рассказать — не поверят. Умирают-то здесь в основном по глупости. «Не, лучше никому не говорить. Потом придумаю отмазу», — решил Пашка. Вот только что на это скажет Андрей Юрьевич, начальник отдела? Этого матерого мужика, как старого воробья из поговорки, на мякине не проведешь!

Он добрался до рельсового пути на противоположной стороне вестибюля. Воды там не было; как и утверждал Остроzub — сухо и пыльно. Чудно, а факт. Но это куда лучше, чем плыть в канализационных водах среди этих чертовых саламандр! Правда, на суше его могли встретить другие охотники за человеческим мяском, и многих из них голыми руками не одолеть.

Было холодно, и его трясло, хотя по большей части — от нервного напряжения. Он зябко поежился. Скорее бы обсохнуть! А говорили же: не суйся на эту станцию, пройди дальше к Большой Сосне, там Лесник пускает сегодня сталкеров на тридцатую ветку, авось, мол, и тебя проведет, а оттуда до Базы рукой подать. Нет же, понадобилось ему свернуть в долину, на

златоглавок поохотиться! Вот и напоролся на банду Черного... И почему разведчики не донесли, что тот орудует здесь, а не как прежде, на семисотых линиях Метро? Странно.

Пашка помотал головой, отгоняя не существенные уже мысли. Что случилось, то случилось. Итак. Он внимательно оглядел туннель. Как раз в той части, куда ему следовало направиться, освещение было — хороший знак! И справа и слева — чисто. Горят семафоры. Впрочем, тут они всегда горят, это совершенно ничего не значит. Тишина. Спокойствие. Ой, обманчиво все это! Плавали, знаем... Пашка со страхом припомнил, как в прошлом августе они с Мавром ходили сюда «по грибы», а тут эта миграция каменных бобров, еще до того, как их перебили переселенцы. Ты в панике бежишь по туннелю, и деться некуда: ни ответвления, ни лаза; а сзади напирает целая живая стена этих жутких сюрреалистических существ со светящимися глазами, перемальвающих гранит гигантскими резцами и раздирающих на куски любого, кто встречается у них на пути... Брр! Эти бестии во время миграции совершенно невменяемы.

Пашка снова помотал головой. Нужно сосредоточиться. Он посмотрел вниз. Прыгать высоко — проблема больной ноги. Потоптавшись на месте, он улегся на пол и, опираясь на кожух давно бездействовавшего контактного рельса, неуклюже спустился в туннель. Нога пульсировала тупой болью, а неловкая повязка на ней уже насквозь пропиталась кровью. Да уж, фельдшер из него никакой... Да ладно, фигня! Он дойдет, обязательно дойдет — не для того на свет родился, чтобы загнуться в этом треклятом метро. К тому же задание-то выполнил, да он вообще герой, каких поискать! Ну подумаешь, вещмешок и оружие посеял, и даже ножа или фонаря не осталось... А с кем не бывает?

Пашка вздохнул и огляделся. Так, теперь направо, до развилки межлинейника. Гермодверь там сталкеры еще в прошлом году насквозь пробили. Туда метров семьдесят, не больше. Пашка принялся прыгать со шпалы на шпалу. М-да, таким макаром до «Северного полюса» не скоро доберешься! А если он не успеет туда до пятницы, вот тогда и начнутся серьезные проблемы...

Сзади послышался гудящий шум. Что это еще такое?! Он оглянулся. Странно. Ускорил шаг, точнее — неуклюжие прыжки. Шум усилился. Пашка нахмурился. Не может быть! Приложил руку к рельсу. Тот дрожал! Черт, не может быть!

Пашка кинулся бежать, уже не обращая внимания на беспощадную боль в ноге. Если он не успеет добраться до ответвления туннеля, то...

Гудок. Резкий, вибрирующий гудок. Он в клочья разорвал тишину туннеля, ударив Пашку в спину. И свет. Тугой луч света осветил бегущего испуганного путника, жалкого и обреченного. Узкая трепещущая тень от него протянулась далеко вперед — абсолютно черная, пустая и безмерно холодная...

Сзади явственно грохотал поезд! Точнее, призрак поезда, потому что настоящие поезда здесь ходить не могли. И это было плохо, просто паршиво. Пашка отлично помнил напутствие странникам метро: «И да не встретит тебе призрака поезда». Но шансы уцелеть были. Невысокие, но выше нуля. Убежал же Билько-младший пару месяцев назад! Правда, начал заикаться после этого, ну так что? Парню всего пятнадцать, да и крепким здоровьем он никогда не отличался.

Пашка мчался во весь опор, прыгая по шпалам, словно очумелый сайгак. Грохот сзади нарастал, но оглянуться не стоило даже пытаться. Тут бы, братцы, не споткнуться! Если упадешь — все, верная смерть, а то чего и похуже. Говорят, что когда призрак поезда настигает несчастного, то...

Поезд снова подал сигнал, хлестко ударивший его в барабанные перепонки. Нет, останавливаться эта живая железяка явно не собиралась. И она не предупреждала. Она торжествовала, она жаждала крови! Его крови, Пашкиной! Монстр собирался заполучить его душу. И вот это было даже не паршиво, а совсем плохо.

Сердце готово было выскочить из груди, дыхание сперло, и ледящий ужас начал овладевать им. Перед глазами плыли черные круги. Вокруг все дрожало, звенело, грохотало, тени прыгали по стенам и шпалам, словно ополоумевшие привидения. Он уже чувствовал затылком жаркое дыхание локомотива, его мерзкую ехидную ухмылку. До развилки осталось всего ничего. Нужно еще поднатужиться, еще!

— Врешь, не уйдешь, паршивец эдакий! — фыркая и отдуваясь, взревел поезд. — Стоять, поганый мальчишка!

Железнодорожное полотно перед ним внезапно вздулось высоким холмом до потолка, рельсы со звоном лопнули, и шпалы осыпались вниз, будто детали детского конструктора. Бежать было некуда. Пашка остановился, надрывно дыша, и медленно развернулся к несущемуся на него сатанинскому поезду. Он уже догадывался, что происходит. Комок трепещуще-

го ужаса медленно отступал, растворяясь в небытии. Ну, все как обычно. И, наверное, снова будет больно.

— Ну давай же, иди ко мне, кусок ржавчины! — сжав кулаки, с вызовом крикнул Пашка и криво ухмыльнулся.

Оскалившись в злобной усмешке, поезд загудел, зарокотал и еще быстрее завертел колесами, высекая ими снопы искр. Миг — и это уже были не колеса, а мохнатые лапы с длинными загнутыми когтями — призрак наконец-то обрел свой истинный облик. Вспыхнув невыносимо ярким светом, он грудью налетел на Пашку и разорвал его в мелкие клочья.

Дикая боль на миг пронзила его улетающее сознание, все затрепетало, закружилось в демоническом вальсе; бесконечный миг — и свет померк. Пашки больше не было. Он бесследно исчез. Все как прежде.

Кровь и плоть, превратившиеся в облако плотного тумана, медленно оседали в искореженном от столкновения туннеле. Наступила полная тишина.

— ...Паша! Паша! — кто-то с силой тряс его за плечо. — Да просыпайся же ты, ну?!

Пашка застонал, приоткрыл один глаз и оттолкнул сестру.

— Все, все! — проворчал он с досадой. — Проснулся я...

— Ну, слава богу! — Ольга вздохнула и по своему обыкновению внимательно посмотрела на него. — Слушай, эти кошмары скоро доконают тебя. Ведь с каждым разом все хуже и хуже, дольше и дольше... А?

— Сам разберусь, — пропыхтел Пашка, протирая глаза. — Сколько уже там?

— Девятнадцать семнадцать, между прочим. Ты, кажется, на встречу какую-то собирался.

— Да-да, спасибо! — попытался улыбнуться он и вытер со лба проступивший пот. — Встаю.

Ольга, качая головой, вышла из комнаты. Называется, прилег прикорнуть... Пашка еще несколько секунд пялился в потолок, успокаивая дыхание. М-да, жуть-то какая в самом деле. И в который раз одно и то же! Надо с этим что-то уже делать.

Настроения никакого не было. Впрочем, встреча есть встреча. Он встал, умылся ледяной водой и еще некоторое время стоял у зеркала в прихожей, мрачно рассматривая свое отражение: худощавый шатен чуть выше среднего роста с небольшой головой и мелкими чертами лица, серыми глазами,

ямочками на щеках и при этом мужественным, почти квадратным подбородком. Волосы его немного вились — Ольге это очень нравилось, и она часто теребила его за чуб, однако пару дней назад Пашка довольно коротко подстригся, за что подвергся жесткой критике в шутливой форме, следствием чего стало ее новое определение брата как «милого уголовничка».

Он вздохнул и попытался самому себе улыбнуться. Вышло довольно вымученно.

— Знаешь, — подала голос сестра, выйдя из кухни с солидным бутербродом в руке, — все-таки сходил бы ты в полицию, мало ли что. Напишешь заявление, а там...

Пашка устало отмахнулся. Этот разговор она начинала почти каждый день. Достала уже! И ведь постоянно ест, жует, жрет и толстеет день ото дня... Ну, понятное дело: нервы, развод, возвращение на постоянное местожительство к брату, у черта на куличках...

— И ко мне в поликлинику загляни, — продолжала Ольга, — сделаем электроэнцефалограмму, мозги твои проверим... Дело-то серьезное!

О, теперь ЭЭГ. Как же без нее! Только какой в ней смысл, как она сможет помочь ему? Внезапно забытые им два с половиной месяца вдруг с радостным криком выпрыгнут из темных глубин его темного, измученного кошмарами подсознания? Сомнительно. Однако пока не обследуешься, сестра не отстанет. Пожалуй, так и стоит сделать. Эти сны скоро доконают его.

— Зайду, зайду, как время будет, — пообещал он. — Знаю, что серьезное.

На этот раз Ольга не стала утверждать, будто месяц назад Пашка уже был у нее и делал эту самую ЭЭГ, и тем самым выводит его из себя, потому что он этого в упор не помнил...

Пашка прошел в свою комнату, быстро оделся и вышел из дома. В лицо пахло теплым, плотным вечерним воздухом, напоенным ароматами цветов, зелени, нагретого асфальта и варящегося кем-то из жильцов борща. На улице уже почти царствовало лето, хотя формально до него еще оставалось больше недели.

Он заспешил через дворы к проспекту Большевиков. Они встречались с Тимохой и его знакомой в кафе у станции «Новочеркасская». Пожалуй, стоило воспользоваться метро — наиболее дешевым и быстрым способом передвижения по

Санкт-Петербургу, по крайней мере, в час пик. Перейдя проспект, Пашка запрыгнул в первый же подвернувшийся автобус, идущий до станции «Улица Дыбенко», и предался своим невеселым мыслям.

— Ой, какие люди! — делано засуетился Тимоха, завидев его в дверях кафе, и замахал руками: — Паша, Паша, мы здесь!

Пашка, уворачиваясь от пьяного мужика, направляющегося на улицу, ухмыльнулся — не заметить своего полного раскрасневшегося друга в круглых очках и с взлохмаченными волосами было просто невозможно. А сидящую рядом с ним хрупкую брюнетку с длинной косой и белоснежной кожей и подавно. Он подошел к ним и поздоровался, пытливо разглядывая незнакомку, скромно потупившую взгляд. Это она, что ли, экстрасенс? Что-то не похоже. Тимоха говорил, что его новая подруга то ли цыганка, то ли родом с Северного Кавказа. Второе было более вероятно.

— Наше вам с кисточкой! — манерно поклонился толстяк и повернулся к спутнице: — Знакомься — это Заира!

— Павел, — немного смутившись, представился Паша.

Девушка улыбнулась и протянула ему миниатюрную руку. Ее ладонь была твердой, сухой и холодной.

— Заира, — тихо произнесла она. — Очень приятно.

— Очень! — Пашка сел рядом.

— Что будем пить? — деловито осведомился Тимоха, листая меню. — Пиво или чего покрепче?

— Мне, пожалуйста, зеленый чай, — ответила Заира. — И кексик.

— И кексик... — задумчиво протянул толстяк. — Ну а ты, друг? Пиво или чего покрепче?

— Тебя прямо так и тянет на «чего покрепче», — засмеялся Пашка.

— Так ведь у меня сессия сдана досрочно, понимаешь? С моими-то прогулами — это тебе не два пальца об асфальт, — важно заметил тот.

— Ах, ну да, ну да, с твоими-то прогулами, — закивал Пашка. — Не то что у меня...

— Да ладно тебе! Ты у нас башковитый, наверстаешь! Подумаешь, два месяца упущенного сопромата, или чему там тебя учат... Так, возьму-ка я текилы немного, для сугреву. И закусточку... Хм... Чего бы попробовать на этот раз?

— Я пас, — сказал Пашка. — Я лучше пивка, нашего, с чипсами.

— Как скажешь, брат, как скажешь. Однако несолидно как-то! Пора уже расти, расти над собой! — Тимоха защелкал пальцами, подзывая официантку.

«Перед девчонкой выпендривается, — подумал Пашка. — Ах ты, баламут...» — Обычно Тимоха был скромным и застенчивым очкариком, не лезущим лишний раз на рожон, но сейчас его просто распирало от важности.

Они сделали заказ и наконец приступили к делу, ради которого здесь и собрались.

— Ближко знакомиться вам пока не стоит, — сразу заявил Тимоха. — Это может повлиять на результат дальнейшего исследования, так сказать.

Заира кивнула:

— Чем меньше я о вас знаю, Павел, тем лучше. Непредвзятость в нашем деле — это принципиальный момент.

«В нашем деле... — немного насмешливо подумал Пашка, стараясь, чтобы на его лице ничего не проявилось. — Дожил, к гадалке хожу! Зря я этого Тимошку послушал, надо было к психологу записаться да на ЭЭГ сходить. А лучше к профессиональному гипнологу, если уж на то пошло».

— Хорошо, — с готовностью кивнул он, — но давай уже на «ты», а?

— Хорошо, Павел, давайте, — слегка улыбнулась девушка. — Мне от вас нужны только основные сведения: только то, что случилось. И... — Она почему-то замялась.

— ...и мои сны? — подсказал Пашка.

— Точно, ваши кошмары.

— У меня амнезия, — начал рассказывать он, — ретроградная которая. Пропало более двух с половиной месяцев: где-то с середины февраля, с шестнадцатого или восемнадцатого числа. Пришел в себя только третьего мая, скажем так, в историческом центре города, в жутком похмелье и... немного побитый: синяки, ссадины, небольшие шрамы, шишки — довольно много и различной давности, ну, по крайней мере, за последние две недели. Я ничего не помню — того, что произошло за это время. При мне не оказалось ни телефона, ни денег, ни документов. Одежда была чужая, но чистая — если меня и били, то не в ней...

Заира молча кивнула, внимательно смотря на него темными большими глазами. Пашка невольно поежился. В ней действительно было что-то эдакое...

— Ты скажи, что еще пропал на десять дней, — с готовностью напомнил Тимоха.

— Да... Моя амнезия закончилась моей же пропажей, случилось это в конце апреля — не было меня неделю или чуть больше, точнее не скажу. Ольга, моя сестра, хотя мы и живем в одной квартире, за это время даже не спохватилась. Дело в том, что я ей *типа* прислал эсэмэску, в которой утверждал, будто укатил в Псков «со своей любовью» на целую неделю и просил не беспокоиться ...

— Со своей любовью? — переспросила Заира.

— Точно. Но я ни ухом ни рылом, что бы это значило. Оля говорила, будто я познакомился с некоей Алиной, но подробности она не успела узнать, несмотря на свое вечное любопытство, потому что рассказал я об этой Алине лишь за пару-тройку дней до своего исчезновения. Это все, что я знаю по этому поводу.

— Ясно. А очнулся ты где и как?

— Где-то через неделю, недалеко от Фонтанки. Я... — Пашка замялся.

— Хорошо, — девушка приподняла ладонь, — пока хватит. Важнее, *что* привело тебя к этому состоянию.

Пашка отметил, что Заира ему уже не выкала, но при этом казалась крайне собранной и деловой.

— Я так понимаю, в полиции дела не заводили? — спросила она.

— Нет. Хотя сестра, конечно, беспокоилась, потому что мой телефон после той эсэмэски не отвечал, как не отвечает и сейчас. Еще пару дней — и она пошла бы в ментуру, это точно, но тут объявился я — собственной персоной.

— А раньше ты уезжал вот так — внезапно и далеко?

— Э-э...

Тимоха прыснул.

— Да было дело, еще в школе, — ответил он за друга. — В Новгород как-то рванули, в шестом классе, аккуратно перед Новым годом. А родителей не предупредили. Потом в восьмом — в Москву, а еще на Черное море собирались в десятом, большой компанией, но нас быстро завернули...

— Хорош языком молоть, — махнул рукой Пашка. — Но если подумать — да, было всякое такое. Наверное, Оля и не стала раньше времени кипешевать. Сейчас-то я взрослый.

Официантка принесла заказанные напитки и закуску. Тимоха с удовольствием принялся ковыряться в салате из сыра, болгарского перца, оливок, грибов и чего-то еще. Выглядело это довольно аппетитно.

— Не ждите меня, — улыбнулась девушка, — я долго еще свой чай заваривать буду! Не люблю пить кипятков.

— Я тоже, — признался Пашка, но не придумал, что еще умного добавить. С девушками он часто терялся — они были для него странными и непредсказуемыми существами.

— Ну, тогда за знакомство! — Тимоха поднял рюмку с обвалянной в соли крошкой и нанизанной на нее долькой лимона. — Будем! Так, ты, цитрусовый, а ну-ка в сторону!..

Они чокнулись, Пашка отпил холодное пиво и захрустел сметанными чипсами. Заира пока заваривала чай. Он запоздало подумал, что им *все-таки* надо было подождать, пока она не начнет пить, но было уже поздно.

— Я как вернулся, сразу же проверился на наркотики, — продолжил Пашка, — у Ольги, она работает в частной клинике. И ничего такого обнаружено не было. Чист.

— Но с похмелья? — уточнила Заира.

— Да, это было, не скрою: чуть выше среднего доза, не более того. В том смысле, что я не всю неделю где-то там с бомжами квасил. К тому же деньги с моих карточек никакие не пропали. Ни почки, ни печень не болят и, главное, находятся на своем законном месте, а шрамы в основном на коленях, локтях и ладонях. — Он показал. — Похоже, будто я падал или полз по острым камням или ступеням... Есть скол на зубе, губы были немного разбиты, но под глазами синяков не было. Зато сначала болели мышцы на ногах, будто незадолго до этого пробежал километров десять. Голодного истощения не было — я вообще нисколько не похудел... В общем, как-то так.

— Но в Псков же ты ездил? Может быть, у тебя там с Алиной случился разлад, и ты запил где-нибудь на полпути к дому?

Пашка неуверенно замотал головой, и Заира кивнула:

— Хорошо-хорошо, не отвечай: действительно, я сама должна это узнать. Просто расскажи мне о своем состоянии, сразу после возвращения и сейчас. Что-нибудь заметил необычное?

— Да так-то ничего интересного, за исключением того, что начались головные боли, которые очень сложно унять обыч-

ными таблетками и... кошмары. Первые дня три снов вообще никаких не было, спал как удав. Ну, может, и были, только я их не запомнил, но потом они уже пошли регулярно, как в кино-театре, в основном — исключительно кошмары: фантастические или фэнтезийные. Монстры, подвалы всякие, туннели метро, лазерное оружие, сталкеры, бандиты, индейцы с автоматами... Но самое главное, что эти кошмары... они всегда очень реалистичные и логичные, как бы с предысторией, будто я знаю и помню, что там происходило и «вчера», и «неделю», и «год» назад! Все яркие, живые и... неприятные. С нашей реальностью ну никак не связанные!

— Ну, на то они и кошмары, — заметил Тимоха, близоруко разглядывая оливку, наколотую на вилку. — Что ж тут удивляться? А фантастику ты всегда вроде любил...

Пашка проигнорировал его.

— Рассказать о них подробнее?

— Пока не надо, — ответила Заира. — Я сама постараюсь узнать, а ты скажешь, верно или нет.

— Хм... Ну хорошо. Только я правда не понимаю, какое отношение они имеют к моей амнезии.

— Очень даже прямое, — заявил Тимоха и отправил оливку в рот. — Это же сублимация твоего стресса, того, что случилось с тобой. Правда, Заира?

— Вполне, — кивнула девушка. — Сны — это работа нашего подсознания, отражение произошедшего с нами и мира вокруг нас. Один из эффективнейших способов лечения амнезии — проведение гипнотических сеансов.

— Так давайте же устроим это, — произнес толстяк, задумчиво разглядывая вторую оливку. — Пока ты, друг, совсем с катушек не съехал.

— Что, прямо здесь? — удивился Пашка. — Сейчас?

— Да нет же, — улынулась Заира. — Можно на днях и в более подходящем месте. Алкоголь в этом деле плохой помощник, да и обстановка здесь не соответствующая. У нас ведь предварительная встреча, не так ли?

Пашка перевел дух.

— Но я не гипнолог, — заметила девушка. — Я экстрасенс. Тебе Тимофей говорил?

— Говорил, — пропыхтел за Пашку Тимоха, снова наливающий себе текилу.

— И ты веришь в экстрасенсорику?

— Ну... скажем так, допускаю мысль, не более того. Вполне, короче. При определенных обстоятельствах...

— Ясно. Дай руку. Кое-что проверю.

Пашка сначала замер, но потом медленно протянул ей ладонь. Девушка взяла ее в обе руки. Пашку еще раз удивила поразительная твердость и холодность ее ладоней.

— Ты горишь, — сказала она.

— Есть малек, — признал он. — У меня теперь часто повышенная температура. Немного.

Заира печально покачала головой:

— Совсем не немного. Сходил бы ты к врачу!

«Ох, и тут донимают», — подумал Пашка, но промолчал.

— Закрой глаза, — строго сказала девушка. — Отгони все мысли и не пытайся что-либо вспомнить. Это *моя* задача. Просто тихонько посиди и ни о чем не думай.

Как назло, музыка в кафе стала громче и навязчивее. Заира поморщилась, они с Тимохой переглянулись, и тот пожал плечами, мол, ничего не поделаешь. Пашка закрыл глаза и вообразил темноту пополам с тишиной. И это почти получилось, если не считать немного пробивающегося сквозь стену сознания ритмично-танцевального «унца-унца».

Целую минуту ничего не происходило. Пашку так и подмывало открыть глаза. Затем он начал потихоньку волноваться и потеть.

— Спокойно, спокойно, — донеслось до него будто сквозь пелену. — Тише...

— Да я спок... — булькнул он и провалился в полное небытие.

— Паша!

Шум.

— Паша!

Свет.

— Ты в порядке? Смотри на меня!

Он хотел открыть глаза, но оказалось, что они и так открыты. Перед ним маячило красное лицо Тимохи. Казалось, очки занимали все его лицо.

— Ты чего, чего? — немного испуганно спрашивал толстяк. — Видишь меня?

— Вижу, — наконец смог выдохнуть Пашка. — Что это со мной?

— Это просто жесь! Ты был в трансе!

— Да? — Пашка скривил подобие улыбки. — И как оно прошло?

Заира несколько смущенно улыбнулась ему:

— Это, конечно, странно все. Ты все время повторял: «Метро, метро, метро!», «Мне нужно позвонить!», «Все двери закрыты» и «Бежим, они нас догоняют!». Да, и такое странное слово еще... э-э...

— Массандрагора, — подсказал толстяк. — Это как Массандра и Мандрагора в одном флаконе.

— Да-да, — кивнула Заира. — Но больше все о метро говорил, хотя мы ничего не поняли. Будто ты все что-то искал, а потом от кого-то убежал...

— Наверное, это он о контролерах, — прыснул Тимоха.

— Перестань, Тимофей, — отмахнулась девушка. — Здесь что-то очень серьезное, я это хорошо чувствую, правда. Тебя нужно обследовать более детально.

— Нужно так нужно, — пожал плечами Пашка, постепенно приходя в себя. — Когда?

— Пока не могу сказать точно, у меня уже все встречи расписаны; давай на следующей неделе?

— Хорошо, — кивнул Пашка.

У Заиры зазвонил телефон. Она взяла трубку:

— Алло? Ах, это вы, Маргарита Леонидовна... да-да, я тут, в кафе, да, я мигом... Уже выхожу! Я извиняюсь, мальчики, но мне пора. Говорю же: очень много встреч. — Она коротко взглянула на Пашку. — В тебе и правда что-то есть загадочное, и у меня плохое предчувствие. Пожалуйста, будь осторожен. Особенно в метро, хорошо? Между вами явно какая-то связь!

Она мило улыбнулась, махнула рукой и выпорхнула из кафе. Через окно они видели, как на улице Заиру встречает важная высокая женщина в облегающем зеленом платье и старомодной вуали.

— Клиентка, — пояснил Тимоха и налил две стопки. — У нее таких много. Уважают, знаешь ли.

— Ясно... — пробормотал Пашка, беря в руки рюмку. Он только сейчас понял, что девушка не оставила ему своего телефона. Ладно, у Тимохи должен быть.

— Не, ты зря ей не веришь. Заира — это сила! — Толстяк поправил очки. — Реально, вот увидишь. А что ты там насчет метро, я не понял? — Он ухмыльнулся. — У тебя, знаешь ли, такое лицо было растерянное и... испуганное!

— Я транс не помню, вам лучше знать, — с досадой отрезал Пашка.

— Ладно, будем, — кивнул Тимоха и опрокинул в себя рюмку.

Пашка тоже выпил.

— Я не все вам рассказал, — решившись, сказал он.

— Да? — заинтересовался толстяк, с шумом высасывая дольку лимона.

— Мне снились не только кошмары.

— А что же еще?

— Есть еще один эпизод, но это не пустыня и не горящий самолет. Место в Питере, реальное. Снится почти каждый день, ну или через день — всегда одно и то же вплоть до мелких деталей, только почему-то без звука. Знаешь, странно так...

— Да что именно-то? — не выдержал Тимоха. — Где это место?

— Короче, будто я под землей, в метро. Вокруг рельсы, какая-то станция, лестницы, эскалатор. Только людей почти нет. Со мной двое или трое мужиков, что-то говорят, но я не слышу. Ведут меня к лифту, мы поднимаемся и попадаем в квартиру... или нет, не квартиру: это больше похоже на коммуналку, переделанную в художественную мастерскую. Вокруг картины, много картин, и бородатые мужики типа рисуют. Меня ведут к двери, оставляют, и я выхожу на улицу — обычный дом, двор, железная дверь... Иду со двора и попадаю на набережную Фонтанки, недалеко мост. Знакомое место, в общем.

— А потом?

— А потом все — я или просыпаюсь, или начинаются те самые кошмары. А в мастерской нет ничего страшного или фантастического — никаких монстров или бластеров. Просто дом, лифт и набережная.

— И метро, — напомнил Тимоха. — Ты поднимаешься из него прямо в художественную мастерскую, то есть не в обычный вестибюль, так?

— Ну да, и что?

— Это ли не странно? Нет, что-то тут не так...

— Конечно, не так, это же просто сон, — поморщился Пашка, уже жалея, что рассказал об этом.

— Это Метро-два, — поднял вверх палец толстяк, — вот что это такое.

— Чего?

— Ну, это... Правительственное метро, знаешь? Параллельные ветки. Еще во времена Сталина строили — жуткая стратегичность и секретность. Всякие диггеры лазят под землей, ищут его. Слышал о таких? Наверное, вот с ними ты и спутался, а потом неделю бродил по туннелям... Брр!..

Пашка махнул рукой:

— Чушь все это. Какие туннели? Нет, тут что-то другое...

— В трансе ты только об этом и твердил! Ну а что еще можно предположить?

— Ну... разное.... Скажем, мне отец рассказывал, что в Питере просто до фига всяких секретных лабораторий и институтов прямо под землей находится, и вход в них — из обычных подъездов. И это не байки. Он в восьмидесятых комнату снимал на Гороховой, когда еще учился, и сам наблюдал из окна: утром стайки народу входят — а обратно никого, а вечером, часика в четыре, — наоборот, эти же стайки, по несколько человек, покидают здание. Причем по выходным и праздникам этого не случалось.

— Ну и что? — пожал плечами толстяк. — Может, там ЖЭК был?

— Не было там никакого ЖЭКа! Обычный подъезд, говорю же, а внутри — лифт, который спускался под землю на несколько этажей! Только к нему просто так не подойдешь, люди в штатском сразу тормозили. Усекаешь? Лаборатория там была, сейчас всем уже известно.

— Ладно, пускай не метро, пускай институт... Черт, а ты не думал, что над тобой ставили запрещенные опыты?! — У Тимохи загорелись глаза. — Зашили небось в желудок приборчик какой-нибудь или... вселили марсианскую ДНК! Ты — инопланетная матка, Паша. Вот же, а!..

— Да иди ты! Чего болтаешь?!

— А что тогда? Секта, да? Точно, ты попал в лапы обкуренных почитателей Сириуса и Немезиды, и каждый день тобою оплодотворяли сорокалетних девственниц! А еще...

— Болтун! Фантазия у тебя больно буйная, как я посмотрю, — проворчал Пашка.

— Уж какая есть! Лаборатория, значит.... — Тимоха задумался, жуя листик салата. — А знаешь, что я тебе скажу, мой дорогой? Вот поэтому-то метро у нас так медленно и строят. Мало того что финансирование по сравнению с Москвой просто отвратительное, так здесь еще везде реки и каналы, а хуже

всего, что не покопаешь где хочешь — то завод под землей, то лаборатория! Понял теперь?

— Скажешь тоже! — махнул рукой Пашка.

— Массандрагора, значит... — протянул Тимоха, доставая смартфон. — Сейчас наведем справки, не бойсь... Так... Хм. Напрямую такого слова нет. Есть словосочетание «Массандра — гора Ай-Петри», это часть какого-то туристического маршрута, наверное. Ты был когда-нибудь в Крыму?

— Не посчастливилось.

— Ладно. Значит, Массандра. Там делают вино, так? Вино и... мандрагора. Корень мандрагоры. Угу... — Толстяк уткнулся в телефон, читая статью в Википедии.

— Слышь, заканчивай, а? — взмолился Пашка. — Давай потом?

— Нет, погоди! Хо! — внезапно вскричал он.

— Чего? — насторожился Пашка.

— Все-таки что-то в этом есть, — удовлетворенно хмыкнул Тимоха. — Смотри. На вине «Массандра» можно сделать специальную настойку с корнем мандрагоры — это такое растение семейства пасленовых, но очень ядовитое. Так вот! Раньше на нем готовили целебные настойки, обладающие сильными галлюциногенными и наркотическими свойствами! Мандрагора, мой друг, содержит скополамин! Да-да, это та самая «сыворотка правды», которая, между прочим, родственник кокаину. Может использоваться для подготовки к наркозу, а еще — противорвотное... Понял, да? Это я намекаю на незаконную операцию, все-таки мы не можем сбрасывать ее со счетов.

Пашка покачал головой — Тимоху понесло!

— Ну и напоследок — сладенький десерт, — торжественно объявил толстяк. — Знаешь ли ты, какое побочное действие у этого скополамина? Не, ты спроси меня, спроси, я подожду.

— Ну и какое?

— Амнезия!

— Да ладно... — недоверчиво проворчал Пашка.

— Точно.

— Но в моей крови никаких наркотиков не оказалось! На кокаин и его производные я проверялся. Ноль промилле, ясно? Не пил я эту гадость. И операций на мне никто не делал!

— Жаль, — погрустнел Тимоха. Его весьма красивая теория дала трещину, и он быстро попытался сменить тему: — То есть к ментам ты не ходил, да?

— Нет. Не думаю, что они мне помогут.

— А это значит, что нам самим нужно пойти туда и разобраться, что к чему! — стукнул кулаком по столу толстяк — его уже порядком развезло. Смартфон выпал из руки, брякнувшись о столешницу. — Ты же адрес знаешь, да? Где эта чертова мастерская?!

Парочка за соседним столом удивленно посмотрела на них.

— Да тише ты!.. — прошипел Пашка. — Ни к чему переться туда прямо сейчас! Поздно уже.

— Поздно? Еще скажи — стемнеет скоро, мамка заругает! — Тимоха вытер салфеткой рот и упер ладони в стол. — Так ты идешь или нет?

— Нет.

— Да чего ты боишься? Тебе ничего не придется делать! Отойдешь в сторонку и прикинешься ветошью. А я уж разберусь.

— Ты пьян! Разберется он...

— Паша, хватит спорить. — Тимоха вздохнул с видом титана, удерживающего на своих плечах Землю. — Один ты не пойдешь, я тебя знаю. Так лови момент, больше такой возможности не представится.

А может, действительно? Пашка задумчиво схрумкал последний чипс. Толстяк терпеливо ждал.

— Хорошо, — вздохнул Пашка, — идем.

— Тут, что ли? — Тимоха сморщил нос, обводя маленький двор мутным взглядом. — Очень странно, брат. Очень. Я бы даже сказал, подозрительно.

— А то, — буркнул Пашка. — Обычный жилой дом, говорю же. Вон та дверь, мастерская Красина. Там табличка висит.

— Красина, значит? — задумчиво проговорил Тимоха и нетвердым шагом направился к ржавой железной двери между окном с геранью и обычным подъездом. — Это больше на подвал похоже!

— Во-во... Тот же сон был, понимаешь? К тому же уже почти десять. Не знаю, чего ты хочешь добиться.

— Спокуха! — Толстяк подошел к двери и, уперев руки в бока, принялся читать надпись. — Нету тут никакого Красина-Васина. Иди сюда.

Пашка, воровато оглянувшись, приблизился. «Ремонт одежды переехал на Вознесенский проспект», — прочитал он кривые буквы на пожелтевшем листке. Больше на грязной двери ничего не оказалось. Пашка внимательно оглядел двор. Да,

во сне он неоднократно видел именно этот двор, стопудово. Но бывал ли здесь раньше? Непонятно.

— Эй! Эй! — заорал Тимоха и принялся дубасить в дверь кулаками. — Открывайте, поганцы!

— Ты чего это?! — Пашка попытался оттащить его, но неожиданно получил яростный отпор.

— Я же просил не мешать мне! — Раскрасневшийся Тимоха начал стучать в дверь ногами. — Работает профессионал! Одна минута — и я выведу этих бандитов на чистую воду!

Пашка посмотрел на окна и отошел в сторону, достав сигареты. Тимоха уже молча, но ритмично долбил в дверь пяткой.

— Эй, вы чего это расшумелись?! — раздался вдруг возмущенный голос. Из открытого окна на первом этаже выглядывала пожилая женщина. — Чего галдите? Я сейчас милицию вызову!

Тимоха временно перестал долбить, застыв в позе для удара.

— Извините, пожалуйста! — Не успев закурить, Пашка попытался с максимальной искренностью улыбнуться жительнице. — Вы, случайно, не знаете, хозяева скоро придут? А то там ни звонка, ни...

— Да ходят тут всякие постоянно! — ответила недовольно бабуля. — Целый год милицию или эмчээс хотела вызвать, но прежние-то посетители хоть не буянили!

— Погодите... — Пашка подошел к окну, и женщина немного отпрянула в глубь комнаты. — Пожалуйста, мы не хотели шуметь, извините нас! Но я ищу...

— Что?

Пашка напрягся, пытаясь вспомнить тех мужиков во сне, что сопровождали его. Вышло как-то глуповато, но все же...

— Тут должен быть мужчина, забыл его имя... — Пашка замылся. — Невысокий, с усами, большие глаза и еще мощный такой, пузатый, волосы курчавые. Они тут когда бывают, не подскажете?

— Да что мне, делать больше нечего — наркоманов всяких запоминать? — уже более спокойным голосом проворчала женщина, но снова высунула голову в окно. — Не припоминаю я таких. А ты к ним по какому делу?

— По личному.

— Ох ты, по личному...

— Там еще художники были, их-то припоминаете? — Пашка постарался как можно искреннее улыбнуться.

— Картину, что ли, хочешь купить?
— Да нет... Когда тут можно застать кого-нибудь? Наверное, днем, да?

— Может, и днем. А чего ж ты вечером-то приперся, родимый? Уж ночь на дворе!

— Ну, так получилось.

— Получилось... Не, ничего не знаю, милоч. Приходи днем, и лучше без своего буйнопомешанного друга.

— Что вы такое говорите! — возмутился Тимоха и только сейчас опустил ногу. — Нам просто нужна правда!

— Пошли-ка отсюда, правдолюб. — Пашка махнул ему рукой и наконец-то зажег сигарету. — Давай-давай, не верти головой.

Тимоха пожал плечами, но подчинился.

— Не дымите здесь! — сказала женщина и демонстративно захлопнула окно.

Они вышли со двора.

— Ну и чего ты добился своими криками? — спросил Пашка.

— А ты чего добился? — парировал толстяк.

Они побрели по тротуару. Начинало вечереть. До пика белых ночей еще оставался целый месяц, но и сейчас в это время суток было довольно светло.

— Вывеску, значит, уже сменили, — хмыкнул Тимоха. — Не дураки.

— Да тебе во всем мерещится вселенский заговор.

— Не во всем. Но ведь и не без странностей, согласен?

— Завтра приду один и разберусь, — сказал Пашка. — Действительно, надоело уже.

— Один? Хм. Надо взять пиво.

— Наверное. Вон там магазин, за Фонтанкой.

— Подышу воздухом, — сказал Пашка, когда они подошли к небольшому продуктовому магазинчику. — Возьми как обычно, хорошо? — Он протянул пару банкнот.

— Без проблем, сударь. — Тимоха откозырял и исчез за дверью.

Пашка засунул руки в карманы и принялся прохаживаться по тротуару, обдумывая создавшееся положение. Он чувствовал, что все не так просто, как кажется. Что он делал целую неделю после исчезновения из дома? Почему возникла амнезия? Неужто наркотики? Но как же его отрицательные анализы?

А с другой стороны, стоило ли вообще докапываться до истины? Дело было даже не в новых потенциальных проблемах. Два с половиной месяца — не такая уж и большая потеря, ничего страшного же вроде не произошло. Но что-то ведь случилось... Хотел ли он знать это? Тимохе-то что — ему просто интересно... Типа прикольная такая ситуевина!

— Закурить не найдется? — внезапно услышал он.

— Да?..

Перед ним стоял довольно высокий, толстый блондин лет тридцати в спортивном костюме. На шее у него красовались золотая цепочка и небольшая наколка в виде вопящего черепа, а в руке он крутил четки — незнакомец был весьма самоуверен. По сравнению с этим амбалом Тимоха выглядел плюшевым мячиком.

— Я говорю, сигарета есть?

У него был несильный акцент, похожий на немецкий.

— Э-э... да, сейчас. — Обычно Пашка таким наглецам табачка не давал, но в тот момент он ломал голову над своей проблемой, и сработала автоматическая вежливость.

Однако блондин это не оценил, а внезапно схватил его под мышки и парой мощных рывков затащил в подворотню, которая весьма некстати оказалась рядом. У закрытой решетки стоял, сгорбившись, еще один тип: худой, неопрятный, с жиденькой бородкой. Пашка даже не сразу понял, что происходит.

— Пискнешь — зарезу, — предупредил блондин, приставив к Пашкиной шее нож. — Не шевелись.

— Зарежет, — фальцетом подтвердил тощий, — как пить дать.

— Ты чего околачиваешься где не надо? — рыкнул блондин. — Отвечай!

— Где околачиваюсь? — прохрипел Пашка. — Не понимаю! Что вам нужно? Денег у меня нет! Телефон — старый!..

— Повторяю еще раз, — картинно вздохнул незнакомец, — пять минут назад вы заходили во двор на той стороне канала, третий дом, так? Сначала долбились в черную железную дверь, а потом разговаривали с соседкой. Зачем? — Блондин несильно надавил на нож, и Пашка ощутил укол.

— Я не знаю!.. — выдавил из себя он. — Просто заблудился!

— Да ну? — Толстяк недобро прищурился.

— Подожди-ка, — сказал вдруг тощий и достал из кармана небольшую коробочку, смахивающую на музыкальный плеер.

Он направил ее на Пашку и нажал кнопку. Коробочка пискнула, на ней загорелась маленькая зеленая лампочка, а на миниатюрном экране появились несколько строчек. — Опа! Ты только погляди!

— Что там? — Блондин ослабил хватку. — Хм... Так ты свой, что ли?

— Я? Э-э... Ну да...

— А чего комедию ломаешь? Дай-ка. — Блондин отпустил Пашку и взял приборчик в руки. — Павел Крашенинников, программист, отдел Т-11, станция «Массандрагора», начальник — Гордеев. Степень секретности — А2. Ух ты... Все правильно?

— Э-э... Ну...

Массандрагора! Вот оно!

— Что «ну»? Что «э-э»? Отдел Т-11, у Гордеева, так?

Т-11? Гордеев? Хм. Этот парень утверждает странные вещи! Что тут происходит? Может, сделать ему хук правой и сбежать? Это можно, в прошлом году на вечеринке у Лариски как раз такого хряка завалил. Но что он тогда узнает о происходящем? Нет, это не выход.

— Я не помню, — честно признался Пашка.

— Не помнишь?

— Точно, — кивнул он. — У меня откуда-то амнезия взялась. Но что-то все-таки припомнилось — о том здании и двери, где мы только что были; я часто ее вижу во сне, эту мастерскую. Вот мы и пошли туда... чтобы проверить. Но я ничего не помню за последние три месяца. Совсем.

— Три месяца? — приподнял брови толстяк. — А ты ничего не путаешь?

— Да нет... Все так.

— И даже не знаешь, кто такой Гордеев?

— Без понятия!

— Ясно. — Блондин тревожно переглянулся с тощим. — А что еще припомнилось, кроме той двери... в мастерскую?

— Да вроде больше ничего...

— Но ты ведь Крашенинников?

— Да.

— Программист?

Пашка покосился на нож, который толстяк все еще держал в руке. Заметив взгляд, тот с неохотой спрятал оружие в карман.

— Э-э... нет, — покачал головой Пашка, — насчет программиста не помню. Я дизайнер. Вроде. Нет, точно, я — веб-дизайнер. А кто такой Гордеев?

— Залóченный, — сказал тощий напарнику, кивнув на Пашку. — Он залóченный, ты понял? Обычный *забывчик*, вот и все. Только как-то криво его залóчили, я смотрю...

Блондин кивнул. Залóченный? Забывчик? Что бы это значило?

— Почему тогда это не отражено в его деле? — спросил толстяк. — Ни слова! — Он щелкал миниатюрными клавишами на приборчике.

— Я почему знаю? — раздраженно пожал плечами второй. — Может, секретный он такой? При этом не помнит всего три месяца? Согласен, это странно. Ладно, сообщим начальству или... — Он замолчал, странно посмотрев на толстяка. Тот не успел ответить.

— Пашка! Пашка! Ты где? — донесся с улицы вопль Тимохи. — Куда ты подевался?

— Что будем делать? — тихо спросил тощий.

— Это твой друг? — спросил толстяк.

Пашка кивнул.

— У него тоже амнезия?

— Да нет, только у меня. Он вообще тут ни при чем.

— Обычный тутер, — сплюнул тощий.

— Короче, приходи на это же место завтра в девять утра, один, мы поможем тебе, — быстро заговорил блондин. — И никому не слова, понял? Узнаю, что проболтался, — пеняй на себя. Вообще на фиг все забудешь! Уж мы-то тебе устроим. Живешь на Большевиков, есть сестра и родители в Гатчине, уже знаю. Так что молчок! А сейчас валите сразу направо — отведи своего друга подальше, чтобы он не видел нас. Все, пошел!

— Хорошо, я приду. — Пашка неловко выскочил из подворотни и наткнулся на растерянного Тимоху, держащего в обеих руках по бутылке пива и не спеша соображающего, как же ему теперь достать телефон, чтобы позвонить.

— Э, друг! А вот и ты! — обрадовался он. — А я уж потерял тебя...

— Пошли! — Пашка выхватил у него одну бутылку. — Давай-давай.

— А ты где был, а?

— За углом. Приспичило.

— Э, ну погоди, я тоже хочу!

— Нельзя, там собака! Чуть не откусила мне! Пошли дальше, там точно кустик будет.

— Ну пошли... — Тимоха открыл бутылку и сделал большой глоток. — Эх, хорошо!

Пашка ехал в метро и пытался связать концы с концами. Выходило как-то не очень. Новые факты казались откровенно странными. Было не похоже, чтобы его с кем-то путали. Да, он не программист и не работает ни у какого Гордеева. Но он действительно Павел Крашенинников и живет на проспекте Большевиков с сестрой, а родители всю жизнь провели в Гатчине, это совершенно точно. Может, он за эти месяцы внезапно переквалифицировался в программисты? Конечно, Пашка был не прочь попрограммировать — дома, для души, но чтобы заниматься этим профессионально, да еще и ни с того ни с сего? К тому же на странную компанию, прятавшуюся по частным домам!.. Очень странно и подозрительно, если не сказать больше.

А почему у того толстяка был немецкий акцент? Вдруг это шпионская ячейка, и он, Пашка, вляпался в политические разборки? Предательство Родины?! Хм. Звучало угрожающе. А может, его внедрили к ним *свои*, в смысле ФСБ?

А что это было за устройство такое? Как его, Пашку, так вот сразу, с ходу взяли и идентифицировали? В нем что, защита какая-то электронная метка?.. Скорее всего! Он рефлексивно пощупал себе живот и покосился на дремлющего рядом Тимоху. Кажется, тот был недалеко от истины, когда говорил, будто в него, Пашку, могли что-то вживить. Тьфу ты! Необходимо будет провериться дома по поводу новых или... странных шрамов. Хотя эти самые электронные жучки бывают очень и очень даже миниатюрными!

В общем, нужно идти завтра на встречу. Тимохе — ни слова, а то разболтает всему Питеру. И к черту зачет, уж он-то точно подождет!

Следующее утро оказалось ясным и солнечным. У Пашки было прекрасное настроение, несмотря на то, что ночью приснился очередной кошмар — без этого, конечно, было никак. На этот раз он попал в уже знакомую гористую пустыню: каньоны, кактусы, индейцы, скачки на мустангах и стрельба из бластеров по кровожадным осьминогам с Марса. В общем, классика Берроуза. Нафаршировав с десятков монстров высо-

коэнергетическим излучением, Пашка проснулся, не успев погибнуть реалистичной мучительной смертью — обычной развязкой своих снов. Посчитав это хорошим знаком, он быстро привел себя в порядок, плотно позавтракал и даже сообщил Ольге пункт назначения: так, на всякий случай.

— И что же там такое? — осведомилась сестра, собираясь на работу в клинику. — Тебе разве не надо в институт?

— Пара знакомых, важные дела, — уклончиво ответил Пашка. Рассказать ей все — раскритичится и увяжется вместе с ним. А куда это годилось?

— Угу, — нахмурилась Ольга. — Ясно. Ну, смотри, снова во что-нибудь не вляпайся! Держи меня в курсе, понял? И не эсэмэсь, а звони! Как закончишь свою встречу — сразу же. И по ходу дела — тоже. Это в твоих же интересах.

— Хорошо, — буркнул Пашка. Настроение его немного упало, хотя и ненадолго.

С удовольствием вдыхая еще прохладный утренний воздух, он подошел к знакомой арке. Рядом никого, решетка закрыта. Без семи минут девять. Что ж, еще рано. Он решил ждать минимум до десяти часов — дело-то серьезное.

Раздался тихий свист. Пашка не сразу сообразил откуда. Свист повторился.

— Эй! Слышишь?

Он оглянулся. За решеткой, метрах в пяти-шести, привалившись к стене туннеля, стояла девушка.

— Я? — показал на себя Пашка.

— Ты, ты. — Незнакомка осторожно подошла к нему — маленькая грубо покрашенная растрепанная блондинка в линялом джинсовом костюме, стоптанных кроссовках, с синяками под глазами и мутным взглядом, как у залежалой селедки. Вид, мягко говоря, непрезентабельный.

«Мелочи нет!» — хотел сказать Пашка, но блондинка его опередила, достав уже знакомую коробочку, пискнувшую и осветившуюся зеленым индикатором.

— Крашенинников? — хриплым голосом осведомилась она.

— Да.

— Зовут как?

— Павел.

— Сигареты есть?

— Э-э... Есть.

— Давай.

Пашка неловко достал смятую пачку, немного трясущими пальцами вытащил сигарету и передал ее девушке. Та закурила, пустив струю дыма прямо ему в лицо.

— Хвоста за тобой не было? — спросила она наконец.

— Да вроде нет...

— «Вроде» или «нет»?

— Нет.

Устало вздохнув, связная засопела и нехотя подошла к замку решетки, достав из кармана большую связку ключей.

— Заходи быстро, — предупредила она, отпирая калитку.

Пашка прошел внутрь, и девушка быстро защелкнула замок обратно, спрятав ключи.

— Конспирация, знаешь ли, — сказала она. — Идем.

Пашка последовал за ней. Они попали в пустынный двор, быстро пересекли его, вышли с другой стороны, отперев еще одну решетку, повернули налево, направо, второй двор, третий...

— Сюда, — кивнула проводница на один из подъездов. — Оружие, наркотики, запрещенная литература?

— Нет, не нужно, — отозвался Пашка.

— Я говорю — у тебя с собой ничего противозаконного нет?

— По утрам такого не ношу.

Связная шутку не оценила. С мрачным видом она вытащила маленький телефон и начала кому-то названивать. Видимо, получив добро, девушка махнула рукой, они вошли в подъезд и поднялись на третий этаж. Дверь им открыл уже знакомый толстый блондин. На этот раз он нацепил на себя красную клетчатую рубашку, трико и круглые очки, став похожим скорее на ботана-аспиранта.

— Хай, — сказал он, не подавая руки. — Обувь можно не снимать.

Пашка зашел. На первый взгляд бардак и запустение: коробки, книги, одежда, обувь, кадки с пыльными растениями, корпуса каких-то устройств, сломанные принтеры и старые компьютерные блоки — все это больше напоминало ремонтную мастерскую, а не жилую квартиру. Зато здесь не воняло, не видно было бутылок и остатков еды, да и полы оказались относительно чистыми, а это не могло не радовать.

— Сразу хочу предупредить, — сказал толстяк, — место это сверхсекретное, но мы решили рискнуть. Ты не видел нас, мы не видели тебя. Ясно?

— Ясно. Не впервой.

Блондин недобро покосился, но ничего не сказал. Они прошли в дальнюю комнату, наиболее убранную и чистую. В ней находились компьютерный стол, заваленный потрепанными книгами и смятыми пивными банками, два больших монитора, старенький диван и вполне современный телевизор на старомодной тумбочке. На стенах висели пучки проводов, кабелей и разъемов, а полки были забиты лазерными дисками и коробочками всевозможных размеров. «Хакер, наверное», — мелькнуло в голове у Пашки.

Блондин молча показал на диван, и Пашка сел на него — тот жалобно скрипнул своими расшатанными пружинами. Сидеть было неудобно.

— Ну так в чем же твоя проблема, Павел? — спросил толстяк, бухаясь в кресло. — Амнезия твоя прошла или как?

— И не собирается, — ответил Пашка.

— А сколько прошло времени после твоего «пробуждения»?

— Где-то две недели.

— Мало, слишком мало. Ладно, залóченный, исповедуйся...

Пашка рассказал блондину свою историю, включая встречу с Заирой и сеансом гипноза.

— Значит, из памяти у тебя стерлось два с половиною месяца с середины февраля? — спросил, пожевав губами, блондин. — А физически ты пропадал где-то неделю с конца апреля? И нашу организацию знать не знаешь, так?

— Все точно.

— Странно, очень странно.

— Почему?

— Согласно имеющимся данным, работаешь ты у нас около двух лет, из них собственно на Гордеева — последние полтора года, но в твоём личном деле о блокировке памяти, а это не такое уж и редкое у нас явление, нет ни-че-го. Я пробил тут кое-что о тебе и твоей деятельности, и больно уж ты засекреченным оказался, как я посмотрю...

Пашка пожал плечами. Блондин вздохнул:

— Мне уже и самому интересно. Но откуда мне знать, что ты — не подстава?

Пашка снова пожал плечами:

— Мне нечего сказать, честное слово. Если можете помочь — помогите. А так... Фиг знает, короче. Но вы-то сами кто такие? Что за организация у вас такая? Что тут вообще происходит? Что там могло быть со мной, в метро? А в том здании на

Фонтанке — что? Вы работаете на правительство? Расскажите о «Массандрагоре»!

— Так, — блондин предупреждающе поднял руку, — давай сразу договоримся. Мы тебе вот так с ходу ничего не рассказываем и не объясняем. Мы просто постараемся тебе помочь, но у нас свои методы. Ты либо согласен, либо нет. Если ты свой, а я вижу, что это так, — сам все и вспомнишь, да еще, может, и нам расскажешь. Ну а если не вспомнишь, то с чего нам распинаться тут перед тобой? Нам проблемы не нужны! Да мы тебя вообще должны были бы с самого начала сдать нашей службе безопасности... Скажи еще спасибо, что по чистой случайности на меня попал. Усекаешь?

— Ну, вроде да.

— Правильно. Меньше знаешь — целее будешь. Информация — вещь вообще-то обоюдоострая. Ты уверен, что хочешь вспомнить *все*? Видишь ли, без веских причин у нас память не блокируют. Ты бы лучше сам подумал: может, оно того и не стоит?

— Нет, все нормально. Я хочу вспомнить, — твердо сказал Пашка. — Хочу.

— Дело хозяйское. Тут только момент один есть, довольно неприятный...

— Какой?

— Иногда память не блокируют. Если человека выкидывают... в смысле отправляют на заслуженный отдых или сведения *слишком* ценные... то применяют не блокиратор, а стиратель памяти.

— И?

— И то, что в этом случае ничего не выйдет, ничегошеньки ты не вспомнишь. Ты готов к этому? Просто чтобы потом — без претензий.

Пашка оторопело уставился на толстяка. Ну ничего себе! Прямо фантастика какая-то! Или обычный лохотрон.

— А у меня есть выбор? — спросил он.

— Думаю, нет, — медленно проговорил блондин. — Ведь проверить, что именно тебе сделали, в этих условиях невозможно, — он обвел комнату рукой. — А твое личное дело еще, наверное, не исправили. Бюрократии у нас хватает, знаешь ли... Честно говоря, я еще сам не решил, что с тобой делать. Чует мое сердце, что-то здесь не так. Может, ты как хакер выполнил некое важное задание, а потом тебя заставили его забыть. Может быть такое? Легко. И гуманно, согласишься. В преж-

ние времена просто закатали бы в бетон, и дело с концом. Смотришь ведь остросюжетные фильмы? Ну вот.

— Но я-то не хакер, я вообще программирую довольно слабо, — возразил Пашка.

— Так ты этого просто не помнишь!

— Но я же не мог им стать за пару месяцев!

— А по нашим сведениям, за два года! Может, в тебя запихнули ложные воспоминания?

— А такое возможно?

— Не слышал о таком, но исключать нельзя. Дело в другом — зачем?

Они помолчали. Толстяк думал. Пашка ждал. Прошла минута, вторая, началась третья... Что он тянет? Боится?

— А что это за тестер, которым вы меня проверяли? — спросил Пашка. — Ну, корбочка с лампочкой?

— Чекер. Это называется чекер, — задумчиво пробормотал толстяк. — В тебе сидит уникальная биоэлектрическая метка, мы ловим конфигурацию создаваемого ею поля, а затем сверяем ее по базе данных наших сотрудников... В общем, ничего сложного.

— И как эта метка во мне оказалась?

— Видимо, завербовали тебя когда-то. Оттуда и метка...

— А подделать ее можно?

— Нельзя. Много раз пытались, но в этом ее смысл — в неподдельности, понимаешь?

— Ну а саму базу данных можно же взломать и подменить код прямо в ней? Или перехватить линию передачи данных и на лету подменить неправильный код на правильный? Или просто заставить этот чекер выдать нужный сигнал в нужный момент? По-моему, это проще всего.

— А говоришь — не хакер! — рассмеялся блондин.

— Так это же очевидные вещи... — пробормотал Пашка.

В комнату заглянула связная.

— Что у вас тут: все нормально, Гельмут? — спросила она. В ее губах дымилась сигарета.

Блондин кивнул.

— Прописать ему, что ли, порошочки?.. — протянул он. — Так ведь что-то не то с ним...

— А что такое?

— Не сходятся некоторые даты и факты, не вяжутся между собой...

— Значит, я не подстава, — подал голос Пашка. — Логично?

— Почему это?

— Подстава так криво не делается. Тогда даты вязались бы, как ты заметил.

— Слабый довод, — покачал головой Гельмут, — ты ведь вообще можешь не знать о том, что являешься подсадной уткой! Хорошо, я все же рискну, и мы попытаемся помочь тебе. Неофициально. *Совсем* неофициально, ты меня понимаешь?

— Понимаю.

— Ни черта ты не понимаешь... Лизка, принеси-ка *розовую*.

Лиза равнодушно пожала плечами и исчезла, плотно прикрыв за собой дверь.

— Будешь колеса катать, — тем временем заявил Гельмут. — Курс долгий, может занять до месяца. Но ты — странно-ватый случай, так что ничего гарантировать не могу.

Пашка промолчал, не зная, как реагировать. Он ожидал, что у них тут высокие технологии, лаборатория, томография и синхрофазотроны, мертвенный свет люминесцентных ламп, ну хотя бы хирургический стол, а они ему какие-то самодельные порошочки предлагают! Колеса, значит? Очень интересно! Это что, наркопритон? Наверняка варят всякую дурь, а потом испытывают на дурачках вроде него! Может, еще неделю назад он был как раз у этих двоих и валялся тут в соседней комнате в бессознательном состоянии? И вот он, идиот, повелся на полную белиберду и по собственной воле снова здесь!

Вошла Лиза и протянула небольшую продолговатую таблетку бледно-розовой окраски.

— Положи под язык и соси, не глотай, — сказала она. — Не-вкусная, зато действенная, уж поверь.

Пашка неуверенно взял таблетку. Она была холодной. Держат в холодильнике?

— Первая бесплатно, — сказала девушка. — Затем по три тысячи.

— Что?.. По три тысячи?! Рублей?

— Хо! — уперла Лиза руки в бока. — А ты думал, я — мать Тереза, да? Рублей, рублей! У нас тут не благотворительный курорт!

Ну кто бы сомневался!

— И сколько их нужно всего, таблеток-то?

— Обычно семь-восемь. Для тебя, забывчик, не знаю. Может, и больше. А может, и меньше, но это вряд ли.

Пашка посмотрел на Гельмута. Тот виновато развел руками, мол, все это просто бизнес. Пашка нахмурился, протянул

было таблетку обратно, замер, опять поднес ее ко рту, снова задумался...

— Тебе решать, — сказал толстяк. — Мы не настаиваем. Но не жди чудес, особенно поначалу. Но первая-то — бесплатно! Ага, всегда так говорят. Бесплатный сыр...

— Принимать каждые четыре дня, желательно перед едой, — продолжала Лиза, словно профессиональная медсестра. — Алкоголь пить нежелательно. После каждого второго приема — к нам на контроль, если так можно выразиться. По записи. — Она подмигнула.

— Да не бойся ты, не наркотик это, — усмехнулся блондин. — Мы таким не балуемся. Только иногда раскуриваем... трубку мира.

— Точно, — кивнула девушка.

— Но тебе не предлагаем. Во избежание.

В приоткрытую дверь вошла белая ухоженная кошка. Презрительно посмотрев на Пашку зелеными глазами, она уселась посередине комнаты и принялась методично вылизывать свою холеную шерстку. «Да они тут все поголовно блондины», — хмыкнул про себя Пашка, приоткрыл рот и...

— А где вы их берете? — напоследок спросил он с напускным подозрением.

— Варим по проверенному рецепту. Или ты думаешь, их можно взять в ближайшей аптеке? — усмехнулся Гельмут. — Ешь уже. Хуже не будет.

Пашка вздохнул и положил таблетку под язык. У нее оказался кисловатый яблочный привкус.

— Ну как, не страшно? — спросил толстяк.

Пашка покачал головой. Язык тут же немного онемел, затем на несколько секунд в ушах появился шум. Потом таблетка стала очень горькой. Наркота какая-то... Подсадят на эту гадость и начнут затем тянуть деньги.

— Побочных эффектов почти нет, — говорил где-то вдалеке Гельмут. — Ну, после пятой-шестой таблетки может немного тошнить, бессонница там, резь в глазах, понос, но это все фигня. Почки с печенью не посадишь, волосы не выпадут. Но часто такую процедуру проводить, конечно, нельзя, скрывать не буду.

— Если есть деньги, можешь сразу купить еще, — предложила Лиза. — Хотя бы две-три штуки. А то часто встречаться будет проблематично, сам понимаешь. Мы люди скрытные и очень занятые.

Пашка с недоверием посмотрел на нее.

— Потом. Сейчас денег нет.

— Ну, как хочешь... Да, и еще — пей больше воды, чтобы метаболиты скорее выводились.

Пашка сидел на лекции профессора Жолданова, сгорбленного нудного старика, и красными, воспаленными глазами пялился в окно, ничего за ним, однако, не замечая. Зато он буквально чувствовал, как клетки его мозга шевелятся, растут, обмениваются всякой разной информацией, поднимают «архивы» уже давным-давно забытых воспоминаний, перетасовывают их и проталкивают на уровни выше. Будто у этих нейронов выросли крылья, с них стерли пыль, заправили топливом и дали мощного пинка, напоследок наказав: «Вспоминайте! Вспоминайте! Вспоминайте!», работал конвейер, крутились шестерни, тархтели миллиарды маленьких моторов и насосов, перекачивая драгоценные порции мозгового сока — вверх-вниз, вверх-вниз.

У него чесался мозг. Реально чесался! Как будто там выросли волосы! От каждой клетки, каждого аксона тянулись маленькие шевелящиеся волосики и щекотали, щекотали, щекотали... Иногда это было просто невыносимо. Хотелось хохотать и бить ладонями по столу. Но он сдерживал себя. Наверное, стоило посидеть пару дней дома, но ведь обещанный курс лечения мог затянуться на целый месяц...

Но самое главное заключалось в том, что таблетки работали. После первой из них Пашка, конечно, не почувствовал ничего. Может, лишь некоторое возбуждение и легкость в голове. Правда, на следующий день вдруг ни с того ни с сего вспомнился школьный стих Пушкина и прошлогоднее расписание гатчинской электрички — дословно. Это было неплохо, но все еще недостаточно. По-видимому, какой-то эффект присутствовал, но сможет ли он победить амнезию полностью?

После встречи с Гельмутом Пашка целые сутки вяло раздумывал, стоит ли продолжать это сомнительное дело, денег у него было немного, но потом любопытство все-таки взяло верх. Он связался по электронной почте с Лизой, и вечером они встретились у станции метро «Международная».

Первое, что бросилось ему в глаза: девушка была в нормальной одежде, умыта, причесана, модно покрашена и показалась ему почти симпатичной. «Наверное, в прошлый раз она здоро-

во шифровалась», — предположил он. С классической бомжикой ему встречаться даже по делам было бы не очень приятно.

— Хорошо выглядишь! — не кривя душой, сообщил он ей.

— Отвянь, — последовал незамедлительный ответ. — Делай вид, что мы незнакомы!

Передача проходила, будто Пашка покупал наркотик. Как бы невзначай они встали рядом друг с другом, он незаметно сунул ей деньги, а она ему — пакетик со второй таблеткой, на этот раз более насыщенной розовой окраски.

— Приходи через два дня на ту же квартиру к трем часам дня, — шепнула Лиза. От нее исходил легкий аромат сирени. — И не опаздывай. На ту электронку не пиши! Новый адрес получишь при встрече.

— Э-э... Понял... — Пашка хотел развернуться к ней, интересуясь ее новым имиджем, но девушка резко отошла и через мгновение скрылась среди прохожих.

Новая таблетка была еще более кислой на первом этапе и куда более горькой на втором. Рассасывая ее, Пашка даже закашлялся, пожалев, что не захватил с собой чего-нибудь попить. С выступившими на глазах слезами он несколько минут просидел на оказавшейся рядом скамье, а потом на нетвердых ногах отправился домой.

И вот с того самого вечера мозг-то у него и зачесался. Поначалу Пашка немного испугался, но потом успокоился. Потому что из темных глубин памяти начали всплывать вещи не просто забытые, а те, на которые в свое время в принципе не обращал внимания. Он дословно мог воспроизвести совершенно ничего не значащие разговоры трехгодичной давности и даже более старые — правда, пока лишь вырванные из контекста обрывки. Он вспомнил вереницу прохожих, встреченную им на пути в школу или магазин пять лет назад, но в какой точно день это произошло или что он, например, купил потом в этом магазине, было пока за семью печатями. Из небытия также всплыли события, привязанные к некоторым датам, и хотя их беспорядочный выбор оставался для него загадкой, он мог точно сказать, о чем думал или что конкретно чувствовал седьмого апреля четырнадцатого года или двадцать второго мая двенадцатого года. Что же происходило последние два месяца — молчок и темнота, здесь никаких изменений пока не произошло.

Он также в мельчайших подробностях вспомнил огромное количество своих детских снов, однако теперешние его кошмары кошмарами быть не перестали. Хуже того — сюрреали-

стические эпизоды стали еще более продолжительными, красочными, тревожными и кровавыми в своей развязке. В одну из ночей он целую вечность падал в горящем самолете без крыльев, привязанный к трупам полусгнившего пилота, а толстая конопатая девчонка методично выбивала ему зубы гаечным ключом, и это было больно. В следующую ночь Пашка мучительно долго выбирался из плена гигантской ледяной пещеры, покинув которую, замерзший, в полуобморочном состоянии, на берегу студеного океана он был со вкусом сожран зеленым двухголовым монстром с рыбьей чешуей и перепончатыми лапами. По сюжету сна, будучи проглоченным, он сам стал этим чудовищем и, затаившись в ледяной воде под голубоватой льдиной, принялся ждать нового неосторожного путника... В общем, Пашка надеялся, что таблетки нормализуют его сон, но этого пока не произошло.

И вот сегодня он должен был получить третью таблетку, а также консультацию по поводу происходившего лечения. Благополучно отсидев на задних рядах третью пару, он ушел из института и довольно быстро добрался до места, благо было недалеко. Только уже подойдя к дому, который он и так еле отыскал в глубине дворов, Пашка понял, что забыл номер квартиры. Он не был уверен даже в этаже. Третий? Четвертый?

Пашка хотел было уже ткнуть кнопки домофона наугад, как дверь открылась, и из подъезда вылезла толстая тетка в солнцезащитных очках, черном блестящем платье и претенциозной шляпке с длинным пером.

— А вы это к кому? — подозрительно спросила она, схватившись за дверь наманикюренными «сосисками». Пускать незнакомцев внутрь здесь было не принято.

— По заданию профкома института, — ляпнул Пашка, не моргнув глазом. — Доцент Афанаскин здесь проживает? Ну тот, который распад наноплазмы в соседнем дворе измерял?

— Чего? — открыла рот тетка. — В соседнем дворе? Это еще зачем?

— Вот и мы хотим узнать, — понесло Пашку. — Зачем?! Нужно ведь проверить данные, так сказать, засвидетельствовать. Вы пойдете понятой?

— Ну вот еще! — возмутилась тетка и, чуть не наступив Пашке на ногу, спустилась со ступенек. — Встретитесь со своим Фантомаскиным — передайте ему, что наша общественность не потерпит тут никаких опытов с электричеством, пусть так и знает!

— Обязательно, — чуть не расхохотавшись, пообещал Пашка и прошел в подъезд.

Кажется, все-таки третий этаж. Да, третий. И сразу налево. Он поднялся по узкой лестнице. Вот она, дверь. Но что это?! Следы взлома, расщепленное дерево у замка, порванная кожа обивки, щель, через которую был виден паркет и даже часть вешалки. И почему эти химики до сих пор не поставили вторую дверь, металлическую?! С их-то *спецификой* этим давным-давно нужно было озаботиться!

Пашка осторожно коснулся двери, замешкался, но потом толкнул ее. С противным скрипом она открылась, и он медленно прошел внутрь. Послышались приглушенные всхлипывания.

— Извините! — крикнул Пашка. — Тут было не заперто!

— Конечно, не заперто! — раздраженно ответила Лиза, выходя из зала. Она вытирала слезы. — Черт! Это ты... Ты!..

— Ну да, я... Назначено же.

— Назначено! — Лицо Лизы исказила гневная гримаса. Кажалось, она готовилась кинуться на него с кулаками. — Из-за тебя все! Кого ты с собой еще притащил?!

Девушка подскочила к входной двери и выглянула на площадку.

— Что из-за меня?! — Пашка удивленно уставился на нее. — Что тут вообще случилось?!

— Что, что!.. Иди, смотри! — Лиза кивнула на зал и устало привалилась к вешалке. — Пока мы не связались с тобой, все было нормально! А ты, ты!..

Пашка заглянул в зал. Там творился полный бардак: все перевернуто, раскидано, диван разобран, подушка вспорота, у окна лужа пива и осколки бутылки, по всему полу рассыпаны чипсы. А посередине комнаты, выделяясь ярким пятном, труп кошки со вспоротым животом — ее лапы были сломаны и демонстративно растянuty в стороны, словно ее хотели распяты. Крови почти не было, наверное, убийство произошло в другом месте.

Пашка в ужасе отвернулся.

— Кто это сделал?.. — прохрипел он. — Где Гельмут?

— Хотела бы я знать! Он пропал!.. — Девушка, заломив руки, снова всхлипнула.

— Ты звонила в полицию?! Когда это произошло?

— В полицию? Ты сказал — в полицию?.. — зло зашипела Лиза, подходя к нему. — Ты в своем уме?!

— А что? — Пашка на всякий случай отодвинулся от нее.
— Ты действительно ничего не понимаешь?
— Да нет же! Для того и связался с вами!
— Идем со мной! — Лиза дрожащими руками накинула на себя белую кофточку. — Пошли-пошли!
— Куда?.. — немного растерялся Пашка.
— На кудыкину гору! Нужно скорее покончить с этим — мы теперь в одной авоське. Ну, чего тарачишься? Ты ведь хочешь вспомнить все?

Пашка уже не был уверен в этом на сто процентов, но молча кивнул.

— Ты кому-нибудь рассказывал о нас? — спросила Лиза. — Признавайся!

— Нет, ты что, никому! Мы же договорились, я и молчал...

Лиза хмыкнула, внимательно посмотрев на него, и они вышли из квартиры.

— Расскажи мне все, что знаешь, — сказал он. — Чувствую себя дураком.

— Да нечего рассказывать, — хмуро ответила девушка, плотнее прикрывая за собой разбитую дверь. — Я же не живу с Гельмутом, мы просто... общаемся, это его квартира, не моя. Специфика работы, знаешь ли.

— Ну а в чем эта работа заключается? — нетерпеливо спросил Пашка, но Лиза невозмутимо проигнорировала его.

— Это уже не первый раз, если честно, — вздохнула она. — Правда, кошку его еще не убивали, и он вот так *бесследно* не пропадал — ни записки, ни письма, и на звонки не отвечает. Боюсь что подумать. Его похитили, понимаешь?! Раньше с подобным наши чекисты разбирались, но... сейчас не тот случай.

— Чекисты?

— Служба безопасности, что непонятно? Наша, секретная.

— То есть ты им сейчас не звонила?

— Нет.

— Хм... — Пашка озадаченно почесал затылок.

— Не буду я пока им сообщать, — пояснила Лиза и принялась нервно тереть виски. — Плохие предчувствия.

— Какие? Типа это все... ваши же и устроили? Наверное, из-за меня, да? Потому что помогаете мне?

— Возможно... А чему ты удивляешься? Думаешь, в сказку попал? Большие дела делаются жестко — это закон джунглей, знаешь ли.

— А когда это все случилось?

— С час назад, пришла вот со смены, увидела все это и...

— Осталась дожидаться меня?

— Вас обоих... Ты вот пришел, но больше никого. Расспросила соседей — никто ничего не слышал, но тут нечему удивляться, ты же понимаешь... Вот в общем-то и все.

— А что-нибудь пропало?

— Таблетки почти все прихватили, наверное, решили, что наркотик. А то, что должно было бы по идее пропасть — на месте. Не могу пока сказать, в чем тут фокус.

Ее немного трясло.

— А почему он железную дверь не поставил себе? — удивился Пашка.

— Не смей меня! От некоторых наших знакомых, будь они неладны, и подземный бункер не спасет. Так что лучше не привлекать к себе лишнего внимания.

— Хм. Ну ладно... Лучше расскажи обо всем, что тут у вас происходит. Ну, о метро, вы же там располагаетесь? О чекере этом вашем; что у вас за организация такая, что вы делаете и главное, откуда у вас такие крутые технологии?

— Обойдешься, — беззлобно буркнула Лиза.

— Но почему? Вы что, из будущего?!

— Да не ори ты на весь подъезд!

— Да я не ору... А может, — он понизил голос, — тут замешаны инопланетяне?

— Фу, ну и загнул, — фыркнула девушка, и они вышли на улицу. — Самому-то не смешно?

— Смешно, — вздохнул Пашка. — Но только немного.

— Фантастику, значит, любишь, да?

— А что в этом плохого?

— Да ничего, собственно. Может, это и хорошо.

— И куда мы идем?

— Узнаешь.

Девушка принялась набирать кому-то эсэмэску.

— А таблетки? — решил напомнить Пашка, когда она закончила. — Неужели ничего не осталось? Я тут чувствую, память у меня и вправду нехило улучшилась. Только пока ничего имеющего отношения... ко всему этому не вспомнил. Но это работает, теперь я верю!

— Да? — мрачно осведомилась Лиза. — И как именно она улучшилась?

Пашка рассказал ей о своих ощущениях и новых снах.

— Ясно, короче, — буркнула девушка. — В общем, пока еще рано судить, посмотрим, что будет дальше. На вот. — Она протянула ему пакетик с тремя таблетками темно-бордовых оттенков. — Это все, что я нашла. Правда, их уже в конце лечения принимают, но это не так уж и страшно. Остальные эти сволочи с собой умыкнули... Начни с самой светлой, только она *очень* противная. Есть чем запить?

— Не-а... И денег у меня с собой столько нет.

О кредитке он решил умолчать.

— Ладно, потом отдашь.

— Спасибо! — Пашка спрятал пакетик поглубже в карман джинсов.

Они подошли к старенькой «тойоте», исцарапанной, мятой и грязной — даже ее цвет определялся не сразу. Кажется, когда-то она была белой. Или серой.

— Извини, «инфинити» в ремонте, — хмыкнула Лиза и, хитрым образом нажав на ручку, открыла дверь. — Садись.

Потом она долго ковырялась под рулем, что-то бормоча себе под нос.

— Машина Гельмута, — объяснила девушка, — одна из многих, разбросанных тут по району. Чтобы если что — сдернуть по-быстрому из любой точки. Ключей нет — заводится через задницу. Он-то вмиг справляется, а вот я не помню... Тьфу ты, не этот выключатель... Ага, этот. Или тот? Ну, механик-самоучка!.. Слава богу, аккумуляторы тут стоят *наши*, почти вечные, хотя на вид их фиг отличишь.

Пашка понимающе промолчал, украдкой оглядев салон. В общем-то чисто, ничего лишнего, сиденья даже пропылесосены. На задней полке небольшой плюшевый зайчишка. Действительно, аварийный вариант. Только далеко ли убежишь на такой колыхаге?

Наконец, машина зафыркала и, о чудо, завелась. Со скрежетом включив скорость, Лиза вырулила на середину проспекта, и они покатили к Фонтанке. Сначала Пашка думал, что они направляются к той самой таинственной мастерской, но, не переехав канал, блондинка свернула направо, к Лермонтовскому проспекту. Затем они перескочили на Старо-Петергофский, попали на Рижский и проехали по нему в обратную сторону почти до улицы Циолковского. Не разговаривали. Лиза сидела нахмуренная, о чем-то напряженно соображая и зыря по зеркалам. Пашка чувствовал себя не в своей тарелке.